

УДК 327.8((47+57)+510)''1945/195'':930(73)(045)

*Е.Н. Рыжков***ПОЛИТИКА СССР В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ (1945–50 гг.)
В ТРУДАХ АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ**

Статья посвящена исследованию политики СССР в Китае в 40-50-е гг. XX века в работах ряда американских историков второй половины XX столетия, в том числе видного советолога, многолетнего директора Русского исследовательского центра при Гарвардском университете А. Улама. Автор сравнивает различные точки зрения, высказывавшиеся американскими историками по поводу тех мотивов и аргументов, которыми руководствовалась Москва в своей политике по отношению к китайским коммунистам и в целом по отношению к тому конфликту, который происходил на территории Китая. Выделяется несколько основных фаз советско-китайских отношений в указанный период в интерпретации американской историографии – от политики «ограниченных контактов» между СССР и китайскими коммунистами в конце 1930-начале 1940-х гг. – до заключения советско-китайского договора 1950 г. и его влияния на отношения двух стран.

Ключевые слова: внешняя политика, СССР, Китай, историография США, советско-китайские отношения, Чан Кайши, Гоминьдан, Мао Цзэдун, Адам Улам,

DOI: 10.35634/2587-9030-2024-8-1-83-90

Ссылка на статью:

Рыжков Е.Н. Политика СССР в отношении Китая (1945–50 гг.) в трудах американских историков // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2024. Т. 8, вып. 1. С. 83–90. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-1-83-90>

Введение

Взаимоотношения СССР и Китая представляются американским историкам достаточно сложными и запутанными. Как пишет А. Улам: «Мы по большей части находимся в неведении относительно того, каковы были ожидания Сталина, связанные с Китаем и отношениями с этой страной, какой была его реакция на триумф китайских коммунистов, и осознавал ли он, что Китай – не маленькая восточноевропейская страна, но грозный колосс, который не станет придерживаться по отношению к Советскому Союзу той же позиции, какой придерживались, например, Болгария или Румыния» [6, с. 471].

Тем не менее, ряд исследователей, видимо, не желая углубляться в хитросплетения азиатской политики, пытается упростить эту проблему и свести ее к общему знаменателю – с действиями СССР в Восточной Европе. Так, Маккензи и Каррэн ограничиваются замечанием о том, что «Москва тайно помогала коммунистам, но до конца поддерживала формальные связи с Чан Кайши» [3, с. 296], не вдаваясь в исследование причин такой политики. Еще более упрощенной представляется позиция Шварца: «В конце сороковых годов коммунисты захватили Китай с помощью и с поощрения Советского Союза». [5, с. 232].

Более детальный и взвешенный подход мы находим в работах М. Дзевановски, А. Рубинштейна и, конечно, А. Улама.

А. Улам, касаясь вопроса об изменении приоритетов СССР в Китае, делает краткий экскурс в предвоенную историю и отмечает, что после 1931 г. основным приоритетом для Сталина являлось недопущение сближения режима Чан Кайши с Японией. Это было время, когда китайские коммунисты образовали совместно с Чан Кайши объединенный антияпонский фронт, который, несмотря на происходившие время от времени вооруженные стычки между «союзниками», просуществовал до поражения Японии в 1945 году. Как отмечает А. Рубинштейн, в этот период (1935–45 гг.) Москва поддерживала «ограниченные» контакты с китайскими коммунистами и их лидером Мао Цзэдуном. После победы советских войск под Сталинградом и изменения к лучшему всей военной ситуации, положение несколько изменилось. «С приближением окончания войны позиции Советского Союза на Дальнем Востоке начали превращаться из таящих опасности в полные возможностей» [6, с. 472]. Как отмечает Улам, летом 1943 г. в советской прессе впервые появляются частые упоминания китайских

коммунистов и критика Националистического режима Чан Кайши. За несколько лет до этого, пишет он, о китайских коммунистах практически не упоминалось, зато было очень много похвал Чан Кайши за его антияпонскую позицию.

В 1944-45 гг., по мнению Улама, основная цель СССР заключалась в том, чтобы не допустить, чтобы положение дел в Китае дошло до точки кипения. С этой целью советские официальные лица всячески открещивались от китайских коммунистов. В частности, Молотов заявил послу Патрику Херли, специальному представителю президента Рузвельта при Чан Кайши, что «так называемые китайские коммунисты не имеют к коммунизму никакого отношения. Для них это просто способ выразить недовольство своим экономическим положением, и они забудут о нем, когда их экономическое положение улучшится». Этот момент отмечает и А. Рубинштейн, указывая, что у Сталина якобы имелись сомнения относительно истинной сущности китайских коммунистов. И он называл их «редисками – красными снаружи, белыми внутри». Сущность этой политики, продолжает Улам, состояла в том, чтобы «великодушно» делегировать американцам ответственность за улаживание дел в Китае, с тем, чтобы они оказывали помощь Чан Кайши, направляя его на путь истинный, то есть на путь демократизации, и в то же время умоляли коммунистов, чтобы они пришли к обоюдоприемлемому соглашению с Чаном. «Это был мастерский ход Москвы», отмечает Улам [6, с. 475] и напоминает, что приблизительно таким же способом Москва предоставила Черчиллю дело вовлечения югославских монархистов в самоубийственный компромисс с Тито и побуждения Миколайчика к подписанию подобного соглашения с люблинскими поляками.

Цели СССР в Китае

Значительное место в работах американских исследователей занимает вопрос о целях СССР в Китае сразу после окончания войны, и здесь на первый план выходит договор, подписанный 14 августа 1945 г. между СССР и правительством Чан Кайши.

Основной вопрос заключается в следующем: почему правительство СССР сделало ставку на Чан Кайши, при этом всячески отмежевываясь от китайских коммунистов? М. Дзевановски дает четкий ответ на этот вопрос; он полагает, что во время гражданской войны в Китае Сталин был заинтересован не столько в деле китайских коммунистов, сколько в стратегических целях и территориальных приобретениях – отсюда его «сделка» с Чаном. Как известно, по этому договору Китай терял Внешнюю Монголию; порт Дайрен (Дальний) передавался в совместное управление СССР и Китая, Порт-Артур передавался СССР в качестве военно-морской базы. Одним из важнейших пунктов договора была передача в совместное ведение Маньчжурских железных дорог. В. Кульски напоминает по этому поводу, что СССР, превысив свои полномочия, продал эти железные дороги в 1935 г. марионеточному японскому государству Манчжоу-Го, образованному на территории завоеванной Японией Манчжурии. К 1945 г. эти дороги стали еще привлекательнее, т. к. японцы вложили значительные средства в развитие их инфраструктуры. Казалось бы, отмечает Кульски, только Китай имел моральное право вновь получить эти дороги после поражения Японии в 1945 г., но советское правительство придерживалось иного мнения. «Националистическому правительству Китая пришлось подписать договор от 14 августа 1945 г. в надежде купить за эту цену советскую помощь в распространении своей власти на всю территорию страны, частично оккупированную китайскими коммунистами» [2, с. 202]. В этом вопросе с Кульски солидарен А. Рубинштейн: «Интересно, что националистический Китай быстро признал соглашения по Азии, принятые на Ялтинской конференции, на которую он не был приглашен. Чан Кайши был готов согласиться с советскими требованиями гегемонии над некоторыми областями Китая, которые он был не в состоянии контролировать, в обмен на поддержку против внутреннего соперника – Мао Цзэдуна и компартии Китая» [4, с. 55]. А. Улам в этой связи отмечает другую грань подписания договора, полагая, что если не подозревать СССР в сверхмакиавеллистской политике, то сам факт подписания договора является убедительной демонстрацией того, что в этот период правительство СССР было уверено, что Чан Кайши и Гоминьдан останутся главной силой в политике Китая еще на протяжении долгого времени. «Возможно, Советы полагали, что Чан слишком силен, чтобы полностью потерять власть, но и слишком слаб, чтобы объединить Китай под своей властью и превратить его в могучую державу, а, следовательно, с его режимом предпочтительно поддерживать дружеские отношения. Из этого также можно заключить, что Советы допускали, что китайские коммунисты могут сойти со сцены как политическая сила» [6, с. 473].

Следующей фазой советско-китайских отношений, по определению американских историков, является период со второй половины 1945г. до середины 1947г. (от заключения договора до перелома в гражданской войне в Китае). Как полагает А. Улам, в этот период советская политика в отношении Китая зависела от двух факторов. Первым была степень политической и военной эффективности Националистического правительства. У СССР были основания надеяться, что действия этого правительства не будут слишком эффективными, но в то же время, очевидно, была и вера в то, что оно по-прежнему сможет контролировать большую часть равнинного Китая. Вторым фактором, тесно связанным с первым, и, возможно, более существенным являлась степень заинтересованности в Китае американцев. Ход событий, в результате которых США были вовлечены в войну в Тихом океане, в значительной степени определялся их явным противостоянием тому, чтобы Китай попал под контроль какой-либо иностранной державы. К этому времени США ясно дали понять, что они не допустят какого-либо советского участия в военной оккупации Японии. Вопрос состоял в том, смирятся ли американцы с захватом коммунистами всего Китая или хотя бы подпадением его основного промышленного региона – Манчжурии – под влияние китайских коммунистов и СССР. В связи с этим, считает Улам, китайским коммунистам из Москвы, возможно, поступило следующее указание: «Действуйте самостоятельно, но не делайте ничего такого, что могло бы спровоцировать американцев. Мы можем помочь вам, но не явно, потому что нам нельзя подвергать себя слишком большому риску осложнений с американцами» [6, с. 477].

СССР действовал по двум направлениям, продолжает Улам. Во-первых, путем прямых соглашений с Чаном, чьей авторитарной натуре было невыносимо давление американских советников, вынуждавших его начать демократические реформы. Во-вторых, в сдержанной поддержке усилий США по выработке компромисса между Чан Кайши и коммунистами, а также во внимании жалобам американцев на то, с какими трудностями они сталкиваются в попытках заставить Генералиссимуса очистить режим от коррупции и полицейских методов. В обоих случаях китайские коммунисты были важной картой в игре и, как казалось в то время, безропотным орудием.

Советская осторожность и метод зондирования, продолжает Улам, со всей очевидностью проявились в оккупации Манчжурии. Он напоминает, что все советские военные действия против Японии были продиктованы необходимостью оккупировать как можно большую территорию за минимально возможным отрезком времени, и что для достижения этой цели советское командование не остановилось перед большими потерями, которых можно было бы избежать, подождав несколько дней. Таким образом, заключает Улам, Манчжурия должна была стать ценной ставкой в дальневосточной игре. Но использование этой ставки зависело от действий Чана и американцев.

В оценке действий советских войск в Манчжурии указанные американские исследователи проявляют полное единодушие. А. Рубинштейн пишет, что сразу после капитуляции Японии советские военные власти помогли китайским коммунистам захватить большую часть Манчжурии, препятствуя развертыванию авангардных частей чанкайшистской армии и оставив большое количество захваченного японского вооружения в местах, где войска Мао могли подобрать их без помех [2, с. 206]. В. Кульски замечает, что наличие договора от 14 августа 1945 г., который предусматривал предоставление СССР поддержки Националистическому правительству как центральному правительству Китая, не помешало СССР передать большие запасы японского вооружения армиям коммунистов и создавать всяческие трудности в допуске националистических сил в Манчжурию. Достаточно оригинального, впрочем, взгляда придерживается М. Дзевановски, который полагает, что некоторые командиры Красной Армии по своему почину(!), вопреки генеральной линии на поддержку Националистического правительства(!), передали коммунистам вооружение [1, с. 253]. Думается, что это высказывание не выдерживает никакой критики. А. Улам пишет, что соединения коммунистической повстанческой армии не были допущены в Манчжурию, но, иронично добавляет он, «разве могли советские командиры помешать коммунистическим «гражданским лицам» проникать в регион, вооружаться японским оружием и «становиться» солдатами?» [6, с. 477]. С другой стороны, продолжает он, попытки войск Чан Кайши выбить коммунистов из стратегически важных областей Манчжурии постоянно натывались на «технические» возражения со стороны местных советских командиров. Коммунисты, таким образом, получали возможность строить свои военные базы в этих областях. Советские войска придерживались такой тактики вплоть до их вывода в мае 1946 г. В то же время иногда, делает важное замечание Улам, они все же откликнулись на просьбы националистов и даже помогли им занять несколько важных центров.

У американских историков возникает вопрос, желал ли Сталин полной победы коммунистов? Автор уже приводил в данной работе рассуждения на эту тему М. Дзевановски. Дзевановски также утверждает, что Сталин убеждал китайских коммунистов распустить армию, забыть о революции и присоединиться к правительству Чан Кайши. Такую же информацию мы находим в работе А. Рубинштейна, который отмечает, что согласно высказываниям некоего высокопоставленного югославского чиновника, Сталин в этот период рекомендовал Мао достичь соглашения с Чаном и вступить в коалиционное правительство.

Более подробно на этом вопросе останавливается А. Улам. Он пишет, что в 1945 – начале 1946 г. цели Москвы в Китае были ограничены и сводились, во-первых, к выводу значительного контингента американских войск, которые высадились в Китае после капитуляции Японии для помощи Чан Кайши, и, во-вторых, к обеспечению безопасности значительной территории, находившейся под контролем китайских коммунистов, возможно, включая Манчжурию. Как утверждает Улам, советское правительство пыталось совместить решение этих вопросов, намекая Чану, что проблема Манчжурии могла бы быть решена очень быстро, если бы он избавился от присутствия американских войск и передал большинство промышленных предприятий Манчжурии в ведение совместных советско-китайских предприятий, созданных по образцу и подобию тех, которые существовали в восточноевропейских государствах-сателлитах Москвы. Если бы эта вторая цель была достигнута, пишет Улам, это поставило бы Советский Союз в очень выгодное положение, но «Чан Кайши и американцы подвели Москву» [6, с. 478]. А. Рубинштейн также полагает, что «Москва не желала слишком быстрого возникновения объединенного и сильного Китая» [4, с. 58] и, тайно поддерживая повстанцев из КПК, рассчитывала получить дополнительные рычаги влияния на Гоминьдан, и так уже зависимый от советской доброй воли, а также иметь больше времени на консолидацию своих приобретений.

Продолжая тему целей СССР в Китае периода 1945-1946 гг., Улам пишет, что Сталин беспокоился (!) за Чан Кайши, который мог потерять свой авторитет в случае, если бы «китайский народ убедился, что Китай зависит от иностранных войск», и поэтому предлагал одновременно вывести и советские, и американские войска. Как оказалось впоследствии, продолжает Улам, Сталин был прав, поскольку опора Чана на США стала одним из важных факторов, предопределивших его падение. Причина состояла в том, что, чувствуя за собой поддержку такой великой державы, как США, Чан не предпринимал никаких усилий, чтобы завоевать благорасположение местного населения вновь занятых националистическими войсками провинций, а репрессии официальных представителей чанкайшистского правительства вскоре превратили эти провинции в благоприятную почву для коммунистической пропаганды. Он игнорировал все возражения американских советников, т. к. чувствовал, что может заставить их умолкнуть, пригрозив обратиться за помощью к СССР. Он, однако, забыл, что Советский Союз уже не то слабое государство, каким он был когда-то, и что коммунисты установили контроль над многими областями страны и обладают хорошо обученной армией. Также ошибку допускали американцы, которые имели своей целью построение «демократического» и объединенного под властью Чан Кайши Китая, не учитывая, что коалиционное правительство в таком виде, в каком оно существовало во Франции и Италии, вряд ли возможно в Китае, т. к., в отличие от французских и итальянских коммунистов, китайские обладали собственной армией и хорошо представляли себе, что произойдет с ними, если они распустят ее и присоединятся к правительству Чан Кайши; в свою очередь Чан Кайши не мог допустить, чтобы коммунистическая партия контролировала значительную территорию. Лишь некоторые из американских официальных лиц осознавали, что, пожалуй, единственное решение заключается в существовании «двух Китаев» – нечто вроде конфедеративного государства со значительной коммунистической автономией на северо-востоке. По мнению Улама, такое решение в 1946 г. могло получить поддержку Советского Союза и, возможно, с ним могли согласиться, хотя и неохотно, сами китайские коммунисты. В то же время, полагает Улам, возможно, что они продолжали в 1945 и 1946 гг. вести переговоры с Чаном о вступлении в коалиционное правительство только в силу прямых и неоднозначных указаний из Москвы. Вполне возможно, также, что эти указания порождали у них некоторое непонимание. «Как и коммунисты во всем мире, они выросли на вере в мощь Советского Союза, и теперь, когда она была наглядно продемонстрирована в войне, им было трудно поверить в то, что русские советуют им умерить свой пыл и быть осторожными». Но, полагает Улам, как и большинство коммунистов, они не осознавали сложности проблем, стоявших перед СССР после войны и того, насколько он нуждается в мире. Они считали, что СССР должен не позволить США помогать Чану и не вполне понимали его игру. Таким образом, 1946 и 1947 годы

имели большую образовательную ценность для китайских коммунистов. Они поняли, что Советский Союз не желает оказывать им полномасштабную помощь, поверяет свои действия в Китае возможной реакцией США и не только не ожидает от них, но, возможно, и не желает им больших успехов. «Невозможно определить, признались ли на этом этапе китайцы самим себе в ужасной истине – что у Советского Союза нет никакой особой причины желать полной победы коммунизма в стране с населением в сотни миллионов человек», – пишет Улам [6, с. 484].

Влияние СССР на принятия решений Китаем

Далее Улам поднимает тот вопрос, который интересует многих американских исследователей – насколько действия Мао зависели от указаний Москвы. Он обращается к той теме, высказывания относительно которой А. Рубинштейна и М. Дзевановски здесь уже приводились. Улам также упоминает «югославских официальных лиц», правда, приводя их имена – Джилас и Дедийер – свидетельствовавших, что в разговоре с ними Сталин уверял, что после войны он советовал Мао распустить армию и найти обоюдодоприемлемое соглашение с Чан Кайши, но, якобы, китайцы пренебрегли его советом и пошли своим путем. Если это верно, пишет Улам, то это ставит под сомнение тезис о зависимости Мао от Москвы. Однако он тут же ставит под сомнение и высказывание Сталина. Во-первых, если Москва советовала Мао распустить армию, то зачем было передавать этой армии захваченное японское вооружение? Во-вторых, на дворе был 1946 г., и официальное обвинение со стороны Сталина могло иметь катастрофические последствия для китайских коммунистов; югославские коммунисты, полные хозяева в своей стране, не решались в это время вступать в открытую конфронтацию с Советским Союзом; вряд ли можно было ожидать этого от китайских коммунистов в разгар гражданской войны; следовательно, не в силах Мао было проводить в 1946 г. полностью независимый от Москвы курс. И, наконец, в-третьих, А. Улам приводит очень интересный довод, свидетельствующий о глубине его анализа. Разговор между Джиласом и Сталиным происходил в 1948 г. – с чего бы это Сталин стал откровенничать с людьми, которых он уже решил сместить с ведущих постов в их партии? Возможно, считает Улам, дело в его «наивном макиавеллизме» – полагая, что в югославское правительство проникли британские шпионы, он надеялся, что через югославов эта его история, несомненно, достигнет Лондона и Вашингтона.

Также в работе Улама упоминается документ, свидетельствующий о реверансах Мао в сторону Москвы. В начале 1947 г. глава информационного бюро КПК опубликовал анализ ситуации в мире, целью которого было дать отпор различным «пессимистическим» взглядам (преувеличению мощи США и идее о возможном скором нападении США на СССР). Автор утверждал, что «американские империалисты не могут напасть на СССР, пока им не удастся поработить американский народ и все капиталистические колониальные и полуколониальные страны». Иными словами, у США были дела поважнее, нежели успехи коммунистов в Китае; следовательно, они не были возможной угрозой для СССР, напротив, победы коммунистов были гарантией мира и средством защиты СССР, поскольку, утверждал автор, если позволить империалистам взять под свой контроль развитие коммунизма в развивающихся странах, то тогда они, возможно, наберутся смелости напасть на коммунистическую державу. Эта статья, считает Улам, выглядит, как доклад китайских коммунистов в Москву с просьбой позволить им начать полномасштабные действия против Чана и уверениями, что эти действия не создадут угрозы для СССР.

Однако СССР продолжал проявлять осторожность, что проявилось в невключении Китая в члены-основатели Коминформа. «В сентябре 1947 г. по-прежнему считалось неразумным рекламировать международные связи китайских коммунистов» [6, с. 486]. Комментарии к событиям в Китае в советской прессе в 1947 и 1948 гг. оставались сдержанными; хотя критика Гоминьдана становилась интенсивнее и постепенно переключалась с реакционных сил внутри Гоминьдана на Гоминьдан в целом.

1948 г. стал переломным в гражданской войне в Китае, продолжает Улам. К концу этого года стало ясно, что китайские коммунисты не только станут хозяевами в Манчжурии и Сев. Китае, но, по всей видимости, полностью разгромят националистов. Но советский подход продолжал оставаться чрезвычайно осторожным. В Москве наверняка понимали, что признание или хотя бы шаги в направлении признания китайских коммунистов *de facto* правителями северного Китая могло бы послужить прекрасным стимулом их усилиям, однако ничего не предпринималось в течение всего 1948 г.

Ясно, что китайские коммунисты желали как можно скорее провозгласить свое правительство и получить его признание со стороны СССР, которое означало бы веру Москвы в их окончательную

победу и послужило бы предостережением США от помощи Чану. Но именно последнее рассуждение предоставляло СССР удобную отговорку в отношении поспешного признания. Москва утверждала, что нежелание США помогать Чану базируется на различии, которое американцы проводят между Москвой и китайскими коммунистами. Если бы стала очевидной связь между ними, американская помощь националистам могла бы возрасти, и американские войска могли бы вновь появиться в Китае для защиты южных областей. «В то время возражения русских могли показаться разумными. Но в ретроспективе они, несомненно, свидетельствуют о двойной игре СССР и его нежелании того, чтобы весь Китай стал коммунистическим» [6, с. 487].

Улам также отмечает явные противоречия во внешней политике СССР этого периода – максимум осторожности в Китае и минимум осторожности в Европе, где такие шаги, как Берлинская блокада, приводили к прямым столкновениям с США; также попытки уничтожить руководство югославской компартии, в то время как ничего не предпринималось в отношении все более независимого и уверенного в себе Мао, который, в случае успеха, получал под свой контроль не крошечную европейскую страну, но колосс с населением в сотни миллионов человек. Улам объясняет эти противоречия непониманием приоритетов внешней политики США: умалением их возможных интересов в Европе и преувеличением их заинтересованности на Дальнем Востоке.

Такое же положение сохранялось и в течение большей части 1949 г. Несмотря на то, что наступление китайских коммунистов, начатое летом 1948 г. вопреки советам Москвы, продолжало успешно развиваться, и в апреле 1949 г. весь Северный Китай находился под их контролем, СССР не спешил с признанием, хотя еще в январе были отвергнуты просьбы националистического правительства о советском посредничестве. Улам приводит интересный факт: после оккупации Нанкина в апреле 1949 г. большинство послов, включая американского, остались в бывшей столице, советский же посол последовал за бегущим Националистическим правительством в Кантон.

Неудивительно, – отмечает далее Улам, – что весной 1949 г. китайские коммунисты постоянно выражали солидарность с СССР в международных делах, в частности, осудили создание НАТО и выразили лояльность по отношению к «своему союзнику, Советскому Союзу», что было крайне опасно, т. к. В США шли ожесточенные дебаты по поводу «потери Китая», и даже в этот момент американская мощь могла быть брошена на помощь Чану. «Но Мао в этот момент явно более заботило, что Москва может подумать, чем то, что Вашингтон может сделать» [6, с. 489]. Что еще более характерно, китайские коммунисты присоединились к кампании стран восточного блока против Тито.

В течение лета 1949 г. новости об успехах китайских коммунистов в советских газетах излагались кратко. В противовес этому большое внимание уделялось деятельности греческих коммунистов и еще большее – обличению Тито и его режима, а также длинным отчетам о процессах над «пособниками Тито» в странах «народной демократии». «Эта фантастическая диспропорция не могла быть случайной – это была сознательная попытка преуменьшить важность событий в Китае» [6, с. 492].

Вывод

После окончательной победы коммунистов и провозглашения в сентябре 1949 г. КНР в декабре Мао Цзэдун во главе китайской делегации прибыл в Москву. И здесь обнаружилось, и это отмечают все указанные исследователи, что «человек, который до последнего момента старался развеять подозрения Сталина и заслужить его благорасположение, оказался способным на жесткий торг». В результате этого торга, СССР потерял многое из того, что закрепил за собой по договору 1945 г. Манчжурская железная дорога и Порт-Артур не позднее 1952 г. переходили в собственность Китая, вопрос о Дайрене (Дальнем) должен был быть обсужден после заключения мирного договора с Японией, но уже сейчас управление переходило в руки китайцев. (А. Улам объясняет этот срок – 1952 г. – опасениями Сталина, что с коммунистическим Китаем еще что-нибудь может случиться – поэтому не следовало торопиться с передачей дорог и порта). Сталинской России было трудно расставаться с чем-либо приобретенным, тем более с тем, что принадлежало еще царской России, и после поражения Японии, казалось, будет принадлежать ей еще десятилетия, – пишет Улам [6, с. 494]. Ему вторит В. Кульски: «Победа коммунистов в Китае полностью изменила картину даже для Сталина, который никогда не любил упускать то, что имел» [2, с. 210]. А. Рубинштейн дает следующий комментарий к договору между СССР и КНР: «Эти соглашения отражали осознание Кремлем того, что Мао, как и Тито, пришел к власти при совершенно иных обстоятельствах, нежели большинство руководителей стран Восточной Европы. Сталин хорошо выучил урок Тито, понял. Что новые условия требуют уступок, и решил придерживаться корректной политики по отношению к Пекину» [4, с. 68].

В то же время предоставленный КНР кредит в 300 млн долл. в течение 5 лет под 1 % исследователи в один голос называют «ничтожной суммой, которая сделала еще более прохладным отношение Мао к СССР и по поводу которой Хрущев позднее сказал, что Сталин обращался с Мао как с ничем» (А. Рубинштейн) [4, с. 69]. «С Мао обращались как с бедным родственником» (М. Дзевановски) [1, с. 273]. «Даже европейские сателлиты получили (во всяком случае, на бумаге) большие кредиты, чем предоставленные теперь наиболее многонаселенной стране мира» (А. Улам) [6, с. 497].

Также по этому договору Пекин должен был признать новый статус Внешней Монголии, последовала серия коммерческих соглашений о создании совместных советско-китайских компаний по эксплуатации Шанхайской нефти, «на условиях, на которых Стандарт Ойл и Шелл Петролеум заключали сделки с колониальными вождями» (М. Дзевановски) [1, с. 278], по воздушному сообщению между СССР и Китаем и общее торговое соглашение между двумя странами.

Однако, по мнению американских историков, ничто уже не могло изменить сути происшедшего. «Китай был слишком огромен, чтобы стать сателлитом, и было ясно, что коммунистический Китай будет труднее контролировать, чем слабый националистический Китай» (Маккензи, Каррэн) [3, с. 324]; «В результате революции власть перешла в руки кальвинистов Азии, намеревавшихся создать мощный, промышленно развитый, независимый Китай. Это событие неизбежно должно было оказать влияние на советскую внешнюю политику и отношения великих держав в Азии» (А. Рубинштейн) [4, с. 78]. И, наконец, итог подводит А. Улам: «Возможно, среди русских политиков были те, кто уже понимал, что они взрастили Франкенштейна, и чувствовал, что эра мирового коммунизма – эра полного советского превосходства – подошла к концу и грядут большие перемены» [6, с. 502].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dziewanowski M. A History of Soviet Russia. Prentice Hall, New Jersey, 1979.
2. Kulski W. Peaceful Coexistence. An Analysis of Soviet Foreign Policy. Transaction Publishers, Chicago, 1959.
3. Mackenzie D.; Curran M. A History of the Soviet Union. Wardswarth, Belmont, 1977.
4. Rubinstein A. Soviet Foreign Policy since World War II. Charles Scribner's Sons Boston, 1981.
5. Schwartz H. The Red Phoenix. Russia since World War II. The Viking Press, N. Y., 1961.
6. Ulam A. Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy 1917-73. The Viking Press, N. Y., 1973.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023

Передана на рецензирование 05.11.2023

Рекомендована к публикации 26.11.2023

Рыжков Евгений Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западный институт управления РАНХиГС
 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., 57/43
 E-mail: evgueni_ryjkov@mail.ru

E.N. Ryzhkov

USSR FOREIGN POLICY TOWARDS CHINA (1945–50) IN THE WORKS OF AMERICAN HISTORIANS

DOI: 10.35634/2587-9030-2024-8-1-83-90

The article is devoted to the study of the USSR's policy in China in the 40-50s of the twentieth century in the works of a number of American historians of the second half of the twentieth century, including prominent Sovietologist, long-term director of the Russian Research Center of Harvard University A.Ulam. The author compares various points of view expressed by American historians on the motives that guided Moscow in its policy towards the Chinese Communists and in general in relation to the conflict that took place in China. Several main phases of Soviet-Chinese relations during this period are defined in the interpretation of American historiography – from the policy of "limited contacts" between the USSR and the Chinese Communists in the late 1930s and early 1940s to the conclusion of the Soviet-Chinese treaty of 1950 and its impact on relations between the two countries.

Keywords: foreign policy, USSR, China, historiography of the USA, Soviet-Chinese relations, Chiang Kai-shek, Kuo-mintang, Mao Zedong, Adam Ulam.

REFERENCES

1. Dziewanowski M. A History of Soviet Russia. Prentice Hall, New Jersey, 1979.
2. Kulski W. Peaceful Coexistence. An Analysis of Soviet Foreign Policy. Transaction Publishers, Chicago, 1959.
3. Mackenzie D.; Curran M. A History of the Soviet Union. Wardsworth, Belmont, 1977.
4. Rubinstein A. Soviet Foreign Policy since World War II. Charles Scribner's Sons Boston, 1981.
5. Schwartz H. The Red Phoenix. Russia since World War II. The Viking Press, N. Y., 1961.
6. Ulam A. Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy 1917-73. The Viking Press, N. Y., 1973.

For citation:

Ryzhkov E.N. USSR foreign policy towards China (1945–50) in the works of American historians // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2024. Vol. 8, iss. 1. P. 83–90. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-1-83-90> (In Russ.).

The article was received by the editorial office on 01/11/2023

Submitted for review on 05/11/2023

Recommended for publication on 26/11/2023

Ryzhkov E.N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages,
Faculty of International Relations and Political Studies
North-Western Institute of Management of RANEPА
Sredniy Prospekt V.O., 57/43, Saint Petersburg, Russia, 199034
E-mail: evgueni_ryzkov@mail.ru